

Владимир Сорокин
Ледяная
трилогия

Владимир Сорокин

Ледяная трилогия

Путь Бро

Лед

23 000

Романы

Издательство аст

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Сорокин, Владимир
С65 Ледяная трилогия / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. —
800 с.

ISBN 978-5-17-091622-1

Романы "Путь Бро", "Лед" и "23 000", написанные в первой половине 2000-х, соединены динамичным сюжетом и в полной мере демонстрируют фирменные черты сорокинской прозы — карнавальность, овеществление метафоры, деконструкцию жанра. Но одновременно писатель всерьез размышляет о природе идеи избранности и ее обреченности, об истоках трагедий XX века, о том, в чем истинная сила и слабость человека. Мировая и российская история предстают в резкой и неожиданной авторской трактовке, не менее захватывающей, чем "ледяная" версия падения Тунгусского метеорита.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091622-1

© Владимир Сорокин, 2010, 2018
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
© ООО "Издательство АСТ", 2018
Издательство CORPUS ©

СОДЕРЖАНИЕ

Путь Бро

11

Лед

273

23 000

549

*Из чьего чрева выходит лед,
и иней небесный, — кто рождает его?*

КНИГА ИОВА, 38:29

*Итак, отложим, братие, дела темные
и станем делать дела света.*

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ ПАЛАМА

ПУТЬ БРО

ДЕТСТВО

Я родился 30 июня 1908 года в имении моего отца Дмитрия Ивановича Снегирева. Отец к тому времени состоялся как крупнейший российский сахарозаводчик и владел двумя имениями — в Васкелово, под Санкт-Петербургом, где я родился, и в Басанцах, на Украине, где мне суждено было провести свое детство. Помимо этого у нашей семьи был небольшой, но уютный деревянный дом в Москве на Остоженке и большая квартира на Миллионной в Санкт-Петербурге.

Имение в Басанцах отец выстроил сам в “троглодитову эру сахарного дела”, когда купил две тысячи десятин плодородной украинской земли под сахарную свеклу. Он был первым русским сахарозаводчиком, решившим обзавестись собственными сахарными плантациями, а не скупать буряки по старинке у крестьян. Там же они с дедом построили сахарный завод. В имении не было большой необходимости, так как семья уже жила в столице. Но опасливый дед настоял, повторяя, что “хозяин в наше лихое время должен быть поближе к бурякам и заводу”.

Басанцы отец недолюбливал.

— Страна хохляцких мух, — часто повторял он.

— Мухи на твой сахар летят! — смеялась матушка.

Мух там и впрямь было предостаточно. Жара стояла все лето. Но зима была чудесной — мягкой и снежной.

Имение в Васкелово отец приобрел попозже, когда уже стал по-настоящему богатым человеком. Это был строгий старинный дом с колоннами и двумя флигелями. Именно в нем мне суждено было появиться на свет. Роды случились преждевременно, матушка недоносила меня две недели. По ее словам, причина тому — удивительная погода, стоявшая в тот день. Несмотря на безоблачное небо и безветрие, вдруг раздались раскаты далекого грома. Гром этот был необычный: мама не только услышала его, но и *почувствовала* плодом, то бишь мною.

— Гром тебя словно подтолкнул, — рассказывала она. — Ты родился легко и весил как доношенный ребенок.

В последующую ночь на 1 июля северная часть неба оказалась необычно и сильно подсвечена, поэтому ночи как таковой вовсе не было: вечернюю зарю сразу сменяла утренняя. Это было очень странно — белые ночи к концу июня иссякают. Матушка моя шутила:

— Небо светилось в твою честь.

Родила меня она на жестком и всегда прохладном кожаном диване в кабинете отца: схватки застали ее за “дурацким разговором о старой клумбе и новом садовнике”. Прямо напротив этого дивана во всю стену тянулись дубовые полки с сахарными головками. Каждая отливалась из сахара своего урожая и весила пуд. На каждой стоял отпечаток ее года. Массивные белые конусы из крепчайшего рафинада, вероятно, были первым, что я увидел на этом свете. Во всяком случае, они вошли в мою детскую память наравне с образами матери и отца.

Меня окрестили Александром в честь русского святого и полководца Александра Невского и в память моего прадеда Александра Саввича, зачинателя купеческо-

го дела Снегиревых. Звали меня все по-разному: отец — Александром, мама — Шурой, тетушки — Сашенькой, сестры — Шуренком, старший брат Василий — Александром, брат Ваня — Саней, гувернантка *madame Panaget* — Саша, объездчик Фрол — Ляксандром Дмитричем, конюх Гаврила — малым барином.

В семье было семеро детей: четверо сыновей и три дочери, одна из которых, Настя, была горбуньей. Еще один мальчик умер от полиомиелита в пятилетнем возрасте.

Я оказался поздним ребенком — самый взрослый из братьев, Василий, был старше меня на семнадцать лет.

Мой отец был высоким, лысоватым и мрачноватым человеком с длинными и сильными руками. В характере его переплетались энергичность, обстоятельность, мрачноватая задумчивость, грубость и властолюбие. Иногда он мне напоминал машину, которая периодически ломалась, чинила себя и снова исправно работала. Он боготворил прогресс и посылал управляющих четырех своих заводов учиться в Англию. Но сам за границу не любил, повторяя, что “у них там надо по струне ходить”. Он был совершенно не способен к языкам и по-французски знал три десятка заученных фраз. Мать рассказывала, что за границей он терялся и чувствовал себя не в своей тарелке. Отец происходил из старого купеческого рода саратовских зерноторговцев, постепенно сделавшихся фабрикантами. Большой семье Снегиревых принадлежали четыре сахарных завода, кондитерская фабрика и пароходство. В молодости отец учился в Саратовском университете на политехническом факультете, но с третьего курса ушел по непонятным причинам. И сразу впрягся в семейное дело. Раз в два месяца он впадал в мрачный запой (к счастью, не более чем на трое суток), нередко громил мебель и ругал мать последними словами, но ни разу не поднял на нее руку. Протрезвев,

просил у нее прощения, ехал в баню, потом в церковь — каяться. Но сильно верующим он не был.

Детьми же он вовсе не занимался. Мы были на попечении матушки, нянек, гувернанток и бесчисленных родственников, кишевших в обоих имениях.

Моя мать являла собой образец жертвенной русской женщины, забывшей себя ради детей и семейного благополучия. Наделенная замечательной красотой (она была наполовину осетинкой, наполовину терской казачкой), горячим сердцем и широкой душой, она отдала свою бескорыстную любовь сначала отцу, который влюбился в нее до беспамятства на Нижегородской ярмарке, потом нам, детям. К тому же мать была гостеприимна до безумия: уехать от нас случайно заглянувшему гостю было решительно невозможно.

Хоть я и рос самым младшим в семье, самым любимым я не был: отец привечал смышленного и послушного Илью, проча его в преемники, мать обожала красивого и нежного Ванюшу, любителя книг про королей и вареников с вишнями. Силач и балагур Василий у отца слыл повесой, у которого “в голове черти горох молотят”, а я — шалопаем. Три сестрицы мои характерами почти не различались: энергичные, жизнелюбивые, в меру эгоцентричные и впечатлительные, они легко и надолго впадали как в слезы, так и в хохот. Все трое яростно музицировали, и в этом горбатая Настенька преуспевала, всерьез готовясь к карьере пианистки. Разнились сестры только отношением к отцу. Старшая, Ариша, его боготворила, средняя, Василиса, боялась, Настя ненавидела.

Семья жила в четырех местах: Василий в Москве, где мучительно и бесконечно учился на адвоката, Василиса и Ариша — в Петербурге, Ваня с Ильей — в Васкелово, а мы с Настей — в Басанцах.

До девяти лет я прожил и получил воспитание в усадьбе. Помимо гувернантки-француженки, занимав-

шейся со мной иностранными языками и музыкой, у меня был домашний учитель Диденко — молодой человек с невзрачной внешностью и провинциальными манерами, тихим и вкрадчивым голосом учивший меня всему, что знал. Более всего ему нравилось рассказывать о великих завоевателях и небесных телах. Говоря о походах Ганнибала и солнечном затмении, он преображался, и в его мутных глазах появлялся блеск. К моменту поступления в гимназию я знал, чем отличается Аттила от Александра Македонского, а Юпитер от Сатурна. Хуже дело обстояло с русским языком и арифметикой.

Догимназическое детство мое было вполне счастливым. Теплая и благодатная природа Украины качала меня, как колыбель: я ловил птиц и рыбу с сыновьями управляющего, катался с отцом на английском катере по Днепру, собирал гербарий с французенкой, дурачился и музицировал с Настей, ездил на свекловичные поля и на покос с объездчиком, ходил в церковь с матушкой и тетками, учился верховой езде с конюхом, а по вечерам наблюдал в телескоп за светилами с Диденко.

В августе вся семья встречалась в Васкелово.

Южная украинская природа уступала место русскому северу, и вместо каштанов и тополей наш белый дом с колоннами обступали строгие и сумрачные ели, меж ветвями стволами которых проблескивало озеро. Длинная каменная лестница вела к нему от дома. Сидя на ее замшелой гранитной ступени и свесив ноги над водой, я любил кидать в озеро камни, глядя, как рождается круг на воде и, стремительно расширяясь, скользит по стеклу озера, несясь к каменистым берегам.

Озеро было всегда холодным и спокойным. А наша многочисленная семья — шумной и многоголосой, как стая весенних птиц. Лишь мрачноватый и малоразговорчивый отец казался в этой стае грозным вороном. Мне было хорошо в кругу родных, который, как и круги